

Петер Ристахаус (Бохум, Германия)

**«СВЁРНУТЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ» АЛЕКСАНДРА КЛУГЕ:
ДВЕРЬ В ДВЕРЬ С ИНОПЛАНЕТЯНАМИ**

Где находятся или остаются инопланетяне и есть ли они вообще – «там, снаружи»? Почему они не шлют ничего? Это вопросы, задаваемые не только болтунами, уфологами и защитниками теории заговора, но и наукой, философией и искусством. Мы обыскиваем с помощью радиотелескопов удалённые галактики, чтобы узнать, не слушает ли инопланетный разум радио и не смотрит ли он телевизор – между прочим, один из наиболее затратных научно-технических проектов как таковых. SETI (Search for Extraterrestrial Intelligence) – таким стало имя этого проекта, начавшегося в 1959 году с публикации физиков Джузеппе Коккони и Филиппа Моррисона. Они предположили в своей публикации, что микроволны частотой от 1 до 10 гигагерц могут использоваться для организации межзвёздной коммуникации [1].

Всё есть вопрос частоты: история этой «межзвёздной коммуникации» и её техники до сих пор ещё не написана. Возможно это связано с тем, что никто не захотел дать ответ, хотя мы уже давно готовимся к ответам. Пауль Ватцлавик был, наряду со Станиславом Лемом, одним из первых, кто серьёзно отнёсся к вопросу об «инопланетной коммуникации». Возможность осуществления контакта между человеком и инопланетянином посредством интеракции, т.е. того, что чужие могли бы высадиться на Земле и даже «собирать» нас при случае как питание, как это изображает последняя экранизация классической «Войны миров» Г. Уэллса Стивеном Спилбергом [2], Ватцлавик считает предельно маловероятной из-за бесконечно больших расстояний во вселенной: «С достаточной уверенностью можно игнорировать утопическую идею захвата нашей планеты враждебными существами из космоса, однако нельзя игнорировать вопрос психологического и общественного воздействия через знание других, более развитых цивилизаций» [3]. Ватцлавик будет представлять проекты поиска правильных частот и соответствующих кодов для организации коммуникации с инопланетянами. При этом речь идёт прежде всего о том, чтобы показать, что данная коммуникация в особой мере структурирована «взаимоза-

висимостью», которую можно охарактеризовать предложением: «Мы знаем, что они знают, что мы знаем». Это важно, если мы стремимся обнаружить правильную частоту, чтобы получать послания из вселенной. Если инопланетяне хотят отправить нам сообщение, то что они думают о том, что мы думаем о том, на какой частоте они это будут делать? Именно к этому закону коммуникации обращаются уже Коккони и Моррисон, когда пытаются определить соответствующую частоту. «Затруднительно исследовать полный спектр в поисках слабого сигнала неизвестной частоты. Но ведь в самой удобной области радио есть однозначный объективный стандарт частоты, который должен быть известен каждому наблюдателю в универсуме: бросающаяся в глаза спектральная линия нейтрального водорода (1240 mc/sec , $\lambda = 21 \text{ cm}$)» [4].

Условие возможности невероятной коммуникации такого вида является, следовательно, наряду с соответствующим оборудованием, правильной оценкой ожидания ожидания другого, «молчаливым соглашением». В этом случае предположительной технической универсалией является стандарт частоты в 1240 mc/sec , $\lambda = 21 \text{ cm}$. Может ли это ожидание ожидания вообще быть удовлетворено на уровне нечеловеческой коммуникации? А не является ли одно из этих ожиданий ожидания таким, что это сообщение вообще осуществляется в некотором пространстве, которое могут разделить человек и инопланетянин? Есть ли инопланетяне, мёртвые или другие «там снаружи»? Или они по эту сторону? Не удивительно, что в таких основополагающих вопросах затрагиваются теология, философия и естественные науки, как это подтверждают актуальные публикации [5]. При этом ставится вопрос не только о существовании объектов (воображаемой) коммуникации, но и о том месте, где они находятся, в котором они пребывают или же отсутствуют.

Этот вопрос возникает и в том случае, если инопланетян вообще не существует, поскольку это вопрос о месте и пространстве коммуникации в целом. Изначально простая модель коммуникации в теории информации и кибернетике, где информация передаётся от отправителя посредством каналов и кодов получателю, превратилась в попытку перевода комплексного процесса в топологию. Между тем выяснилось, что эта основополагающая модель, включая её расширенные интерпретации, недостаточна сложна, чтобы вообще удо-

влетворительно описывать «феномен» коммуникации. Становится всё очевиднее, что она восходит к менее сложным, если вообще не ложным предпосылкам о структуре пространства и времени. Теория систем всё больше об этом задумывается, задаваясь вопросом: «Где находятся системы?» [6]. Аналогичный вопрос задаёт себе Зигмунд Фрейд, переводя сообщения бессознательного в топологию (бессознательно – предсознательно – сознательно; я – оно – сверх-я). То, что его топология ориентируется на слишком наивное различие между внешним и внутренним, будет показано структуральным психоанализом. Последний попытается усложнить осуществление бессознательных сообщений, используя математико-топологические модели, а именно кольца Борромео [7], и интерпретируя внешнее и внутреннее не в качестве разделённых жёсткой границей сторон, но в качестве динамического поглощения переходов. Эти модели уже не используют предпосылку физикалистски мыслящего здравого человеческого рассудка, а именно невозможность присутствия двух вещей в одном и том же месте. Так может быть инопланетяне и другие «другие» [8] не «там, снаружи», а где-то совсем в другом месте?

Александр Клуге посвящает свою книгу «Дверь в дверь с иной жизнью», содержащую не менее 350 историй, вопросу о любого рода переходах в глобализованном мире. Одна из ультракоротких внутренних историй, рассказываемая в обрамляющей истории «Мы – счастливые дети Первой глобализации», носит название «Посещение Белого Дома». Фактически речь идёт о фантастической истории, поскольку читатель оказывается обескуражен личностью посетителя. Прочитую историю целиком: «Однажды инопланетяне были даже в Белом Доме. Они вошли в него в «свёрнутом измерении». Никто из охраны не видел чужих. Да и высокоинтеллектуальные инопланетяне, пусть и совсем крохотные, но наверняка знавшие план спасения земли, не «смотрели» во второй «универсум», в наш, потому что жили в своём первом (для нас втором) и там УПРАЖНЯЛИСЬ В СПОСОБНОСТИ СУЖДЕНИЯ. Не узанными и не узнавшими прошествовали они через Овальный Кабинет» [9]. История настолько же коротка, насколько и анекдотична: взезмное знание не может ввести в заблуждение земное, как на это надеялся Ватцлавик, просто потому, что разница в величине их универсумов находится за пределами порога восприятия для одних и других. Но эти миры разделены и на другом

уровне. В то время, как американское правительство в Овальном Кабинете действует на уровне более или менее рационального практического разума с целью спасти Землю, инопланетян интересует одна только чистая эстетика. Намёк на Критику способности суждения Канта очевиден. Инопланетяне, предположительно, находятся на уровне того лишённого всякого интереса благоволения, которое действительно лишь для универсально прекрасных объектов. Анекдотичность заключается, видимо, в том, что в третьей Критике Канта речь идёт о силе воображения, служащей посредником между практическим и чистым разумом.

Возможно, «сила воображения» и есть то, что могло бы быть планом спасения для Земли. Где я, когда я нечто себе воображаю. И у читателя наверняка достаточно этой силы, чтобы сделать эту неудавшуюся встречу возможной. Всё это, разумеется, лишь интерпретация и спекуляция. Сам Клуге не заставляет читателя скучать и продолжает повествование другой историей с названием «Инопланетяне в пути». В ней последовательно задаётся вопрос: «Как инопланетянам удалось разработать такую информационную сеть, что мы их почувствовали, несмотря на то, что искали они нас не в той действительности [...]?» [10]. Удивительным образом поездка инопланетян оставила след на другой стороне уже не совсем холодной войны: «В покинутом институте в Новосибирске, где проживала лишь семья завхоза и двое учёных, распространилась, к примеру, убеждённость в том, что они прибыли на Голубую Планету. Знаки их присутствия были обнаружены в разыск» [11]. Институт, как поясняется далее, специализировался на предсказании цунами, т.е. на приёме знаков опасности. Их приборы не показали никаких колебаний или частот инопланетян, однако всё равно была убеждённость в их прибытии. Интенция Клуге ясна: он задаёт вопрос об источниках интуиции, «дара предвидения» [12], который не всегда в состоянии рационально обосновать свою убеждённость и часто ошибается, особенно на фоне продвинутой радиотехники. История не удовлетворяется тем, чтобы просто приписать интуицию к иррациональным силам, т.е. к «религиозному безумию», но предлагает иное объяснение «присутствию инопланетян», о котором идёт здесь речь: «Фактически инопланетяне приземлились в «измерении» или «пространственности», где встречаются физика гравитации и квантовая физика, не доступной для челове-

ческих чувств, микроскопов или «протезов способности познания», выходящих за пределы возможностей микроскопов (ESA, Cern). Речь идёт о величинах Планка и о времени Планка. Много меньше атомов или кварков материя пребывает здесь [...] в одной миллиардной от одной миллиардной от одной миллиардной миллиметра. Это была РЕАЛЬНОСТЬ (в качестве точки пересечения природных констант). Если инопланетяне остановились там, они не знали ничего о людях и наружной коре планеты» [13]. Другими словами, предвидение инопланетян есть результат эволюции техники, протекающей за порогом восприятия и взрывающей представимое. Подобно тому, как первый рассказ внушает в акте чтения мысль о соединении практического и чистого разума через силу воображения, автореферентно замыкающуюся на историю, второй рассказ внушает мысль о том, что именно дар предвидения и интуиции мог бы быть тем, что соединит дефицит осознанного наблюдения и физикалистского теоретизирования.

Фантастическое повествование Клуге делает эпистемологические выводы, соответствующие традиции футурологического жанра [14] своего времени. Та сторона есть не просто воображаемое место религиозного верования, но продукт ненаблюдаемости [15] той границы, без которой не было бы ни техники, ни знания. Клуге продолжает своё повествование диалогом, доводящим историю до конца дискурса о пространстве и времени. Постоянно ставится вопрос, как мы можем что-либо предвидеть или интуитивно знать об инопланетянах, если сами они действуют по ту сторону порогов наблюдения ускорителей частиц: «А всё же удалось ли им [инопланетянам] обратить на себя внимание?/ Да. Интеллект заражен. Во многих местах это было воспринято так, как будто в мир прибыло нечто дополнительное./ Миром Вы обозначаете нашу маленькую Землю?/ Одно крайне малое пространство посреди нашей Земли и одну точку неизмеримого времени. Там располагается МОМЕНТ, существовавший с начала, когда образовывалась банальная реальность./ Инопланетяне искали нас там в начальной точке?/ Где ещё они должны были нас искать? В отсутствие другой ИНФОРМАЦИИ? Вероятно, сначала они обследовали на каждом небесном теле шкалу Планка на наличие жизни» [16].

Пример показывает не только то, что взаимозависимость не всегда функционирует, но и то, что коммуникация в высшей степени невероятна. Вопрос о том, позволит ли новая техническая револю-

ция повысить степень её вероятности, Клуге оставляет в стороне: «Будем ли мы это знать [находятся ли инопланетяне ещё на Земле], если в следующем поколении CERN [ускоритель частиц вблизи Женева – П.Р.] продвинемся до величин Планка?/ Это было бы чистой случайностью. Когда мы продвинемся до какой-либо планковой величины, каковых 44 миллиарда миллиардов миллиардов на одном атоме, то мы можем всё ещё потерпеть неудачу в том, что наш «исследовательский луч» разрушит восприимчивых инопланетян именно в тот момент, в который мы установим контакт» [17]. Можно было бы сказать об эпистемической иронии: аппарат наблюдения разрушает то, что он собственно должен наблюдать. В конце остаётся – возможно – след.

В своём последнем романе «Юлия, или Картины» (1979/83) [18] Арно Шмидт – другой автор, активно работающий с эпистемической иронией – вводит в дискуссию о теории повествования «старое» понятие перихорезы. Оно происходит из теологии, точнее из учения о троице, и проблематизирует проблему взаимного проникновения тринитарных личностей (отец, сын и святой дух). Понятие в своём употреблении восходит к Стое и неоплатонизму и описывает единство тела и души, прежде чем Григорий Богослов теологически определит его христианскую интерпретацию. Можно сказать, речь идёт ни больше ни меньше, как об интересной философской проблеме личной идентичности Бога. Шмидт в своём романе обозначает с его помощью не святое триединство, но в более общем виде взаимное проникновение «повествовательных миров» и соответствующих им «переходов». Фигуры выходят здесь из картин одной выставки и взаимодействуют с протагонистами. Перихореза вводится в дискуссию, чтобы прояснить, почему воображаемые образы для протагониста Йеринга приняли реальный характер: «РАУХ: [...] Известно ли Вам, что понимается под «перихорезой»? ЙЕРИНГ: да: как Отец=Сын=Святой Дух трое & всё же одновременно суть одно – как у ФРЕЙДА Я=СверхЯ=Бессознательное также образуют личность. – Далеко за пределами (и важнее) более общее понятие «проникновения»: когда к примеру два очень различных мира (скажем, из различных измерений) «касаются» или в каком-то месте проникают друг в друга – тогда эта плоскость соприкосновения могла бы изображать своего рода «обмен», делающий возможным переход (как минимум «взгляд») из одного мира в другой. [...] (про-

стейшей иллюстрацией того, что имеется в виду, является сон, где я иду вдоль гамбургской улицы и без перехода оказываюсь в Баргфельде 50 лет спустя.)» [19].

Не наблюдаемое при иных обстоятельствах проникновение различных «агентов» физической реальности становится наблюдаемым благодаря распределению на систему мест и переводу в последовательное повествование вместе с его (риторико-герменевтическим) декодированием. По этой причине психоанализ даёт здесь интерпретационный формуляр для ненаблюдаемых зон, формальные (и возможно также онтологические) признаки которых имплицитуют одновременность различных, отчасти индифферентных следов, событий (и действий) в одном месте. Можно было бы сказать, что в качестве современной проблемы «перихореза» является проблемой «параллельных миров» и их не-наблюдаемости (интерпретация на основании теории множественности миров, мультиуниверсума, Many-Minds-Interpretation и т.д.). Понятие, получившие известность благодаря квантовой механике и маркирующие радикальные черты в космологической языковой игре. Переход от закрытой к открытой космологии (relative state) есть следствие «эволюции» экспериментальных систем и средств наблюдения, производящих собственные ненаблюдаемые зоны или «субмедиальные пространства» [20]. Они в свою очередь будут растворены воображением, т.е. проинтерпретированы. Таким образом «ненаблюдаемость» не только является формальным понятием, оператором в системной теории или конструктивизме, но и обладает историческим индексом. Существует, можно было бы сказать, специфическая ненаблюдаемость в диспозициях наблюдения, отвечающая за эволюцию (новой) наблюдаемости. Интересной задачей было бы, по всей вероятности, рассмотреть историю знания с позиций не только препятствий и разрывов, но и зон или сценариев ненаблюдаемости. Между «возможными мирами» Лейбница и «мультиуниверсумами» Энди Ниммо становится очевидно, что всё, что есть, есть постольку, поскольку организуется себя вокруг переходных зон, делающих возможным проход из одного мира в следующий. История Александра Клуге об инопланетянах пытается изобразить и проанализировать, почему мы коммуницируем с инопланетянами тогда и именно тогда, когда мы с ними не коммуницируем. В истории «О пользе поэзии», примыкающей непосредственно

к истории об инопланетянах, он вводит понятие, которое могло бы быть здесь полезным. Литература, если она разделяет – как у Клуге – эпистемологическое состояние своего времени, в состоянии что-либо «предвидеть», т.е. предчувствовать, только если это «что-либо» может быть зафиксировано на «поэтической шкале точности» [21]. На этой шкале она может запротоколировать то, что не фиксируют измерительные приборы: фистулы ненаблюдаемых зон. Ведь чем она ещё может быть, как не письменным переходом?

Список использованной литературы:

1. Guiseppe Cocconi u. Philipp Morrison: Seraching for Interstellar Communications. In: Nature 184 (1959), S. 844–846.
2. Steven Spielberg (Regie): War of the Worlds. Paramount Pictures. Hollywood 2005.
3. Paul Watzlawick: Wie wirklich ist die Wirklichkeit? Wahn – Tдuschung – Verstehen. 19. Aufl., Mьnchen 1991. S. 204. О коммуникации с инопланетянами см. S. 173–205.
4. Zit. n. Watzlawick (1991), S. 179.
5. Cp. Tobias D. Wabbel (Hg.): Leben Im All. Positionen aus Naturwissenschaft, Philosophie und Theologie. Mit Beitrдgen von Steven W. Hawking [u.a.]. Dьsseldorf 2005.
6. Alexander Fillipov: Wo befinden sich die Systeme? Ein blinder Fleck der Systemtheorie. In: Die Logik der Systeme: Zur Kritik der systemtheoretischen Soziologie. Hg. v. Peter-Ulrich Merz-Benz, Gerhard Wagner. Konstanz 2000. S. 381–410. Cp. Также размышления Дирка Бекепа: Wozu Systeme? In: Ders.: Wozu Systeme? Berlin 2002. S. 7–21 [14]: «Она [теория систем – П.Р.] могла бы вообще не задавать границ миру. Но всё же она нуждается в понятии мира в качестве собственного завершения, которое формулирует единство дифференции системы и окружения, и для которого она не может указать операцию, а только лишь обозначить его не находящееся в распоряжении системы место [выделение – П. Р.]. Следовательно, системы теории систем носят отчётливо физикалистский характер и тем самым реальны, однако не ясно, в чём заключается эта реальность, если не в условии возможности самой операции».
7. Cp. Jacques Lacan: Encore. Das Seminar, Buch XX (1972/73). Textherstellung durch Jacques-Alain Miller. bbers. v. Norbert Haas u.a.,

Weinheim; Berlin 1986. S. 13. По вопросу развития этой математикотопологической в теории информационных сред ср. Marshall McLuhan; Bruce R. Powers: The Global Village. Der Weg der Mediengesellschaft in das 21. Jahrhundert. bbers. & mit einem Beitrag versehen v. Claus-Peter Leonhardt. Mit einer Einleitung von Dieter Baacke. Paderborn 1995. S. 25–35; Friedrich Kittler: Eine Kulturgeschichte der Kulturwissenschaft. Mьnchen 2000. S. 242–247.

8. По вопросу коммуникации с мёртвыми как события в истории информационных сред и права, а также соответствующей фантастической литературы см. Stefan Andriopoulos: Besessene Kцrper. Hypnose, Kцrperschaften und die Erfindung des Kinos. Mьnchen 2000.

9. Alexander Kluge: Ть an Ть mit einem anderen Leben. 350 neue Geschichten. Frankfurt a.M. 2006. S. 30f.

10. Ebd. S. 31.

11. Ebd.

12. Клуге обращается здесь к анахроническому понятию, с помощью которого Кант, к примеру, обозначал будущее предощущения и которое здесь не имеет ничего общего с семантикой наказания. Ср. Jacob u. Wilhelm Grimm: Deutsches Wцrterbuch. Fotomechanischer Nachdruck der Erstausgabe 1874. Bd. 1, Mьnchen 1999. S. 194.

13. Ebd.

14. Ср. Stanislaw Lem: Phantastik und Futurologie I. Frankfurt a.M. 1977. S. 5–12.

15. Ср. Niklas Luhmann: Weltkunst. In: Unbeobachtbare Welt. bber Kunst und Architektur. Zus. m. Frederick D. Bunsen u. Dirk Baecker. Bielefeld 1990. S. 7–45.

16. Kluge: Ть an Ть, S. 32.

17. Ebd. S. 33.

18. Arno Schmidt: Julia, oder die Gemдlde. Szenen aus dem Novencento. In: Bargfelder Ausgabe. Werkgruppe IV. Hg. v. Bernd Rauschenbach. Bargfeld 1992. S. 125. Автор пользуется собственной орфографией и пунктуацией.

19. Ebd.

20. Ср. Boris Groys: Unter Verdacht. Eine Phдnumenologie der Medien. Mьnchen 2000. Данным субмедийным пространствам посвящены и недавно экранизованные романы Сергея Лукьяненко.

21. Kluge: Ть an Ть, S. 33.

Перевод Александра Нестерова